

ПРОФЕССОРЪ

Петръ Ивановичъ Казанскій.

6-го Января, въ десятомъ часу вечера, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, тихо скончался на 75-омъ году жизни заслуженный профессоръ Московской духовной академіи и ея почетный членъ—Петръ Ивановичъ Казанскій.

Смерть свела въ могилу этого почтеннаго старца почти наканунѣ празднованія его родной академіей своего столѣтняго юбилея (въ слѣдующемъ 1914 году), на которомъ покойный въ качествѣ бывшего питомца академіи, ея долговременнаго профессора и, наконецъ, почетнаго члена могъ бы быть живымъ носителемъ и источникомъ ея исторіи по меньшей мѣрѣ за послѣдніе полвѣка ея существованія, живымъ олицетвореніемъ ея бывшихъ традицій.

Ровно годъ тому назадъ, въ тѣже самыя числа, Московская академія провожала къ мѣсту вѣчнаго упокоенія другого своего профессора, старшаго сослуживца Петра Ивановича, знаменитаго историка нашей отечественной церкви—Евгенія Евсигнѣевича Голубинскаго.

И тогда уже младшій сослуживецъ Евгенія Евсигнѣевича не скрывалъ отъ себя и отъ своихъ семейныхъ, что „теперь очередь за нимъ“.

Но его еще достаточно бодрый для его лѣтъ видъ, а—главное—необыкновенная умѣренность и воздержность въ жизни никакъ не давали основаній думать, что эта „очередь“ придетъ такъ скоро...

Первые приступы той тяжелой болѣзни (ракъ печени), ко-

торая свела его въ могилу, стали сказываться еще въ самомъ началѣ минувшаго лѣта, когда Петръ Ивановичъ только что переселился на дачу въ сосѣднее съ Сергіевскимъ Посадомъ село Глиньково, надѣясь здѣсь отдохнуть отъ утомительныхъ хлопотъ по ремонту своего дома.

Трудно сказать съ увѣренностію, въ чемъ заключался источникъ этого злого недуга. Ни о какой наслѣдственности, которой современная медицина усволяетъ такое огромное значеніе въ объясненіи подобнаго рода заболѣваній, здѣсь, по-видимому, не можетъ быть и рѣчи.—Родители Петра Ивановича—оба дожили до глубокой старости и умерли въ возрастѣ около 85 лѣтъ, не оставивъ своимъ довольно многочисленнымъ дѣтямъ никакого наслѣдства въ этомъ смыслѣ.

Вѣроятнѣе представляется думать, что обстоятельства собственной жизни покойнаго, тѣ тяжелые удары судьбы, какіе постигли его уже на склонѣ лѣтъ его, были причиною зарожденія въ немъ этого недуга.

Въ 1907-омъ году Петръ Ивановичъ схоронилъ младшаго сына своего Ал-ндра Петровича, юношу, представлявшаго рѣдкое сочетаніе счастливой наружности съ богатствомъ душевныхъ дарованій, чистой и высокой душевной настроенности съ широкими перспективами жизни.

Легко себѣ представить горе отца, потерявшаго своего любимаго сына,—потерявшаго въ то самое время, когда предъ нимъ только что распахнулись двери самостоятельной жизни, когда для родителей закончился уже періодъ тяжелыхъ и отвѣтственныхъ заботъ о его воспитаніи и образованіи, и занималась уже заря радостей при видѣ пышно распускавшейся молодой жизни.

Съ особеннымъ интересомъ слѣдилъ покойный Петръ Ивановичъ за судьбой своего младшаго сына, за его первыми шагами на пути самостоятельной жизни, надѣясь найти въ нихъ оправданіе или осужденіе своихъ педагогическихъ приемовъ, своего перваго и ужъ, конечно, послѣдняго отступленія отъ привычной и хорошо знакомой системы обученія дѣтей въ стѣнахъ родной духовной школы.

Дѣло въ томъ, что, проведя двухъ своихъ старшихъ сыновей чрезъ двери средней и высшей духовной школы,

Петръ Ивановичъ нашелъ возможнымъ, благодаря болѣе счастливо сложившимся обстоятельствамъ, предоставить своему младшему сыну, по окончаніи имъ классической гимназіи, намѣтить себѣ жизненную дорогу сообразно съ его личными вкусами и склонностями.

Послѣ нѣкотораго колебанія выборъ молодого человѣка остановился на Московскомъ Инженерномъ Училищѣ.

Едва успѣлъ онъ его окончить и получить командировку на инженерно-строительныя работы въ районѣ Привислинскихъ желѣзныхъ дорогъ, какъ заболѣлъ тяжелой формой брюшного тифа, отъ котораго и скончался въ страшныхъ мученіяхъ, вдали отъ своихъ родныхъ, на далекой чужбинѣ.

Нельзя даже приблизительно опредѣлить всю ту сумму страданій, какія пережилъ по этому случаю убитый горемъ отецъ. Правда, покойный Петръ Ивановичъ не любилъ выносить своихъ чувствъ наружу, и для посторонняго взора могло даже казаться, что этотъ почти семидесятилѣтній старецъ довольно спокойно, съ какою-то почти библейскою крестостію и покорностію волѣ Божіей переноситъ свое несчастье.

Но онъ страдалъ, и страдалъ невыразимо.

Вотъ маленькое, но весьма характерное обстоятельство, подтверждающее это и безъ того правдоподобное предположеніе.

Какъ человѣкъ въ высшей степени аккуратный и бережливый, покойный Петръ Ивановичъ не могъ позволить себѣ уничтожить даже такія, казалось бы, никому ненужныя вещи, какъ старые календари.

Пришивая къ каждому изъ нихъ по чистому листку бумаги, онъ заносилъ на него всѣ болѣе или менѣе достойныя памяти событія какъ личной, семейной или служебной своей жизни, такъ подчасъ и жизни общественной.

Просматривая эти, нерѣдко уже пожелтѣвшія отъ времени, записи, невольно удивляешься тону того чисто эпического спокойствія и безпристрастія, въ какомъ все время велись покойнымъ эти записи.

За самыми тщательными описаніями внѣшней стороны со-

бытіи, за самыми точными ихъ датами (съ указаніемъ обычно не только дня и числа, но даже, гдѣ это возможно, часовъ и минутъ) совершенно не видно личности записывающаго, его личнаго отношенія къ записываемымъ событіямъ.

И только одно на всемъ многолѣтнемъ пространствѣ исключеніе. Дрожащей рукой заноса подь 29 Сентября 1907 года фактъ смерти своего любимаго сына, покойный „лѣтописецъ“, очевидно, почувствовалъ, какъ трудно ему сохранить при этомъ тонъ привычнаго ему эпическаго спокойствія и, не выдержавъ „стиля“, неожиданно для читателя, даетъ нѣсколько глубоко лирическихъ штриховъ, не оставляющихъ никакого сомнѣнія въ силѣ пережитыхъ имъ въ ту пору душевныхъ страданій.

Во всякомъ случаѣ даже и для посторонняго глаза было замѣтно, что съ этого времени Петръ Ивановичъ началъ дряхлѣть и въ своемъ обычномъ настроеніи сталъ менѣе благодушенъ и жизнерадостенъ, нежели прежде.

Его мысль все чаще и чаще, и по всякимъ поводамъ, стала обращаться къ предстоящему факту скорой смерти, и онъ неоднократно высказывалъ свое желаніе быть похороненнымъ рядомъ съ могилой безвременно умершаго сына.

Если справедливо мнѣніе, что болѣзни, подобныя той, отъ которой умеръ Петръ Ивановичъ Казанскій, рождаются и зрѣютъ годами, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что еще въ ту тяжелую для покойнаго пору зародились въ немъ первыя сѣмена его послѣдующихъ физическихъ страданій.

А страданія эти по временамъ были такъ велики, что больной добровольно отказывался отъ пищи и не по недостатку аппетита къ ней, а лишь изъ боязни вызвать принатіемъ ея приступы ужаснѣйшихъ болей.

Еще задолго до наступленія ночи, когда обычно появлялись приступы сильнѣйшихъ болей, которыхъ нерѣдко не могли ослабить ни согрѣвающіе компрессы, ни даже—одно время—наркотическія средства, Петръ Ивановичъ становился мраченъ и задумчивъ.

Силы больного быстро слабѣли, и уже въ іюлѣ мѣсяцъ ему стоило большихъ усилій сѣздить въ Москву для совѣта съ врачами. Его смотрѣло много врачей—и между ними

нѣсколько очень извѣстныхъ, но имъ, не удалось, повидимому, точно установить болѣзнь П. И-ча. То они находили у него какую-то подозрительную опухоль, то она исчезала, и всѣ болелья ощущенія объяснялись чисто нервными причинами.

По совѣту одного изъ московскихъ врачей, больной, которому назначено было специально противонервное лѣчение, помѣщенъ былъ въ одну изъ подмосковныхъ санаторій (Скольники).

Но пребываніе въ ней не принесло больному никакой пользы. Оно лишь познакомило его съ невыносимой скукой вынужденнаго одиночества. По собственному признанію Петра Ивановича, онъ чувствовалъ себя здѣсь въ положеніи школьника, котораго родители только что отвезли въ ученье и отдали на попеченіе чужихъ людей.

Благодаря настойчивымъ просьбамъ больного и очевидной бесполезности его дальнѣйшаго пребыванія въ санаторіи, Петръ Ивановичъ возвращенъ былъ изъ Москвы въ Посадъ и частію уже на носилкахъ, частію на рукахъ своихъ близкихъ внесенъ былъ въ свой домъ.

И потянулись для него мучительно-долгіе дни и еще болѣе длинныя, часто совершенно безсонныя осеннія ночи, полныя молчаливыхъ страданій.

Впрочемъ, въ исторіи болѣзни П. И. былъ періодъ, когда долго не покидавшія ни его самого, ни его семейныхъ надежды на его выздоровленіе не казались совершенно беспочвенными. Одно время больной чувствовалъ себя настолько порядочно, что по выработавной годами привычкѣ взялся даже за литературный трудъ и обработалъ для журнала „Душеполезное Чтеніе“ статью „о совѣсти“, которую и отправилъ незадолго до Святковъ въ редакцію, получивъ оттуда увѣдомленіе, что статья будетъ напечатана въ одной изъ ближайшихъ книжекъ журнала.

Но уже съ наступленіемъ Рождественскихъ праздниковъ еще недавнія надежды начали смѣняться полнымъ отчаяніемъ. Одинъ за другимъ стали появляться разные зловѣщіе признаки: то какая-то необыкновенная сонливость у больного, то неестественная желтизна въ лицѣ, то, наконецъ, отеки ногъ и живота.

Исхудаль ояъ къ этому времени до неузнаваемости. Пользовавшій его мѣстный врачъ говорилъ, что за всю его долготѣнюю практику ему не приходилось еще наблюдать случаевъ такого крайняго истощенія организма.

И самъ больной съ грустью посматриваль иногда на свои исхудавшія руки и неувѣреннымъ голосомъ спрашиваль у своихъ близкихъ: „оживуть-ли кости сія“?

На обращенныя къ нему обычныя новогоднія поздравленія и пожеланія новаго здоровья больной отвѣчалъ либо сосредоточеннымъ молчаніемъ, или же отрицательнымъ покачиваніемъ головы.

Какъ искренно и глубоко вѣрующій христіанинъ, въ часы наивысшихъ страданій своихъ искавшій утѣшенья въ чтеніи Евангелія и Псалтири, Петръ Ивановичъ нѣсколько разъ за время своей болѣзни исповѣдался и приобщался Св. Таинъ,—въ послѣдній разъ наканунѣ дня своей кончины.

Но перейдемъ отъ печальной повѣсти о смерти П. И. хотя бы къ краткому очерку его минувшей жизни.

Родился П. И. 2-го февраля 1838 года въ семьѣ священника села Домнина, Владимірской губ. Старшій братъ П. И. скончался нѣсколькими годами раньше его въ санѣ протоіерея г. Шуи. Большинство же прочихъ членовъ довольно многолюдной семьи свящ. о. Іоанна Казанскаго, перешедшаго впоследствии на службу въ село Владычне, Костромской епархіи, здравствуетъ и по сіе время. Нѣкоторые изъ нихъ, повидимому, уже приблизились (если только не превзошли) къ весьма почтенному долготѣію своихъ родителей.

Первые уроки грамотности были преподаны Петру Ивановичу его родителемъ и, конечно, съ примѣненіемъ всѣхъ освященныхъ стариной приемовъ букво — сослагательнаго метода и чтенія по славянской Псалтири.

Багажъ знаній, какія повезъ съ собою девятилѣтнимъ мальчикомъ П. И. въ Муромское духовное училище, былъ очень невеликъ, но это не помѣшало ему скоро выдвинуться здѣсь въ число лучшихъ по успѣхамъ учениковъ. Эту ре-

путацію лучшаго ученика П. И. сохранилъ и во Владимірской духовной семинаріи, гдѣ его товарищемъ по курсу былъ, между прочимъ, и понынѣ здравствующій сенаторъ, бывшій Товарищъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, Петръ Ивановичъ Остроумовъ, къ которому покойный тезка его до конца дней своихъ питалъ искренно-товарищескія, а въ послѣдніе годы и глубоко-признательныя чувства.

Духовная школа того времени—и низшая, и средняя—уже много разъ и по разнымъ поводамъ характеризовалась и описывалась въ нашей литературѣ и вообще достаточно извѣстна, чтобы нужно было еще разъ останавливаться на всѣхъ ея какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ сторонахъ.

Муромское духовное училище и Владимірская семинарія, чрезъ которыя прошелъ П. И., по-видимому, не представляли собою какого-либо исключенія изъ общаго типа тогдашней духовной школы.

Вотъ почему намъ представляется въ настоящемъ случаѣ гораздо болѣе цѣлесообразнымъ не столько описывать или характеризовать этотъ достаточно уже прославленный типъ старой бурсы, сколько опредѣлить личное отношеніе покойнаго ея питомца къ воспитавшей его школѣ, отраженіе ея въ собственномъ сознаніи покойнаго Петра Ивановича.

Кажется, не будетъ ошибочнымъ утверждать, что старая школа не оставила въ душѣ своего питомца какихъ нибудь недобрыхъ чувствъ къ себѣ, отнюдь не вызвала въ немъ тѣхъ ужаса и отвращенія, съ которыми многіе относятся къ прежней бурсѣ.

Такъ намъ представляется вѣроятнымъ думать на томъ, между прочимъ, основаніи, что покойный Петръ Ивановичъ, никогда и ничего не писавшій вопреки своимъ убѣжденіямъ, ни разу не подчинявшій своего пера какимъ—либо стороннимъ соображеніямъ и не заставлявшій его служить стороннимъ видамъ, нашелъ для себя возможнымъ выступить въ свое время съ горячей защитой родной духовной школы.

Когда въ восьмидесятыхъ годахъ минушаго столѣтія въ поврежденной печати раздались голоса (Е. Марковъ и др.), требовавшіе лишенія духовенства всякихъ правъ на народ-

ное учительство въ виду того, что оно само крайне малограмотно и невѣжественно, какъ прошедшее „*черезъ школу грубости и тупости*“, покойный профессоръ Петръ Ивановичъ Казанскій въ изданной имъ въ 1882 году книгѣ: „Правда-ли; что наше духовенство не хочетъ и не умѣетъ учить народъ?“—старается защитить и родное ему сословіе, и воспитавшую его школу отъ возведенныхъ тогда на нихъ обвиненій и незаслуженныхъ порицаній (см. стр. 90 и дал.).

По окончаніи курса Владимірской семинаріи, П. И., какъ лучший питомецъ своего курса, отправленъ былъ въ Московскую духовную Академію, которую и окончилъ въ 1864 году, въ достопамятную эпоху митрополита Филарета.

За свое курсовое сочиненіе „Объ историческомъ значеніи книгъ малыхъ пророковъ“ (напечатано въ Прибавл. къ Твор. Свв. Отцовъ за 1872 г.) онъ удостоенъ былъ степени магистра богословія.

Его товарищами по академическому курсу были между прочими—долго долго вмѣстѣ съ нимъ профессорствовавшій въ академіи прот. Д. Ѳ. Касицынъ,—одно время редакторъ журнала „Душеполезное Чтеніе“—и Ив. Андровичъ Кратировъ, впоследствии преосвященный епископъ Іоаннъ, ректоръ Спб. Академіи и потомъ епископъ Саратовскій, всего лишь нѣсколькими годами (умеръ 11-го февраля 1909 г.) предварившій его своимъ отшествіемъ въ загробный міръ.

Глубокая, сердечная, испытанная—не только годами совмѣстнаго обученія и совмѣстной службы въ академіи (И. А. Кратировъ въ должности секретаря), но и всей послѣдующей жизни—дружба связывала покойнаго Петра Ивановича съ этимъ честнѣйшимъ, правдивѣйшимъ и благороднѣйшимъ человѣкомъ и святителемъ.

Въ томъ же 1864 году, 9-го ноября, новопроизведенный магистръ назначается преподавателемъ въ Ярославскую духовную семинарію, а чрезъ три года переводится на такую же должность въ Виенскую дух. семинарію, гдѣ впоследствии начинали свою службу и его старшіе дѣти.

Въ своихъ воспоминаніяхъ П. И. любилъ останавливаться на томъ, какъ онъ, получавшій на службѣ въ семинаріи всего что-то около 200 рублей ассигнаціями, послѣ болѣе

чѣмъ скромныхъ ресурсовъ, перепадавшихъ ему изъ родительскаго кармана, сразу почувствовалъ себя чуть не Крезомъ.

Но въ общемъ кратковременная служба въ семинаріи оставила въ П. И., по-видимому, не совсѣмъ пріятное воспоминаніе, благодаря, главнымъ образомъ, высокому отношению тогдашнихъ начальниковъ семинаріи къ семинарскимъ корпораціямъ.

Такъ мы думаемъ на томъ основаніи, что когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пишущему эти строки приходилось отправляться на духовно-учебную службу въ одинъ изъ городовъ Западнаго края, Петръ Ив-чъ напутствовалъ его довольно мрачнымъ прогнозомъ на счетъ предстоящей встрѣчи и вѣроятнаго отношенія со стороны ближайшаго начальства, подъ руководствомъ котораго предстояло начинать службу въ семинаріи.

Къ счастью, ничего подобнаго мрачнымъ предчувствіямъ покойнаго встрѣтить не пришлось, и вѣроятно потому, что то, что, очевидно, еще могло имѣть мѣсто въ жизни духовной школы около половины миновавшаго столѣтія, оказалось уже пережиткомъ къ самому концу его.

Кратковременная (всего нѣсколько мѣсяцевъ) служба П. И-ча въ Виѣвской Семинаріи была послѣднимъ этапомъ его на пути къ продолжительной службѣ академической.

Въ 1867 году Петръ Ивановичъ, тогда уже женатый на Агнии Андреевнѣ Бѣляевой, получаетъ отъ Совѣта Академіи предложеніе занять кафедру педагогики, съ которой тогда соединено было и преподаваніе Нравственнаго Богословія; и молодая чета изъ Виѣвны переселяется на жительство въ Сергіевъ Посадъ, въ домъ Горохова (на Нижней улицѣ).

Если наука педагогики не можетъ почитаться вполне разработанною даже въ наше время, то легко себѣ представить состояніе ея почти 50 лѣтъ тому назадъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ нетрудно вообразить и положеніе молодого профессора, къ тому же вынужденнаго дѣлить свое вниманіе сразу между двумя несродными дисциплинами.

Однако, введенный вскорѣ новый академическій уставъ раздѣлилъ эти двѣ науки, образовавши по нимъ двѣ совершенно самостоятельныя кафедры, между которыми и пред-

ложено было сдѣлать выборъ Петру Ивановичу Казанскому. Его выборъ остановился на кафедрѣ Нравственнаго Богословія. Эту кафедру покойный занималъ большую часть своей академической службы—до 1892 года, когда онъ, по предложенію Совѣта Академіи, перешелъ на кафедру исторіи философіи и получилъ званіе и. д. ординарнаго профессора Академіи (экстраординарнымъ профессоромъ онъ былъ съ 1873 года). На этой кафедрѣ онъ и оставался уже до конца своей академической службы. Въ 1893 году Петръ Ивановичъ избранъ былъ Совѣтомъ Академіи на должность члена академическаго Правленія, но уже въ 1897 году, чувствуя усталость отъ долговременной службы, онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, которая и утверждена была Св. Синодомъ 8-го ноября того же года, почти въ то самое число, когда П. И. впервые опредѣленъ былъ на духовно-учебную службу (9-го ноября). Такимъ образомъ, ему пришлось пробыть на ней ровно 33 года.—Совѣтъ Академіи, очевидно, не желая среди года мѣнять преподавателя, поручилъ Петру Ивановичу Казанскому чтеніе лекцій по исторіи философіи до конца 1897—98 учебнаго года, когда и состоялось окончательное прощаніе его со студентами, въ общемъ собраніи своемъ напутствовавшими его своими прощальными рѣчами, и корпораціей сослуживцевъ, поднесшей ему цѣнную икону.

Три раза за время своей академической службы долженъ былъ мѣнять Петръ Ивановичъ предметъ своихъ занятій.

Едва онъ успѣвалъ освоиться съ одной кафедрой, какъ ему уже готовилась другая. Едва овладѣвалъ онъ однимъ предметомъ преподаванія, какъ уже приходилось переходить къ другому.

Въ этомъ, быть можетъ, одна изъ причинъ, почему имя Петра Ивановича Казанскаго не станетъ въ самомъ первомъ ряду славныхъ именъ Московской Академіи. Однако оно не забудется въ памяти академіи какъ имя профессора, высоко смотрѣвшаго на задачи академической науки и обязанности своего профессорскаго званія, какъ имя человѣка рѣдкой душевной чистоты, какъ носителя замѣчательно цѣлостнаго духовнаго облика и какъ на рѣдкость уживчиваго члена общегитія.

Эту именно (нравственную) сторону личности Петра Ивано-

вича весьма выразительно характеризовал на прощальном обѣдѣ, данномъ въ честь его корпораціей академическихъ сослуживцевъ при выходѣ П. И. со службы, преемникъ покойнаго по кафедрѣ—бывшій профессоръ Московской академіи, а нынѣ—Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института, П. В. Тихомировъ.

„Наша академическая корпорація“, говорилъ между прочимъ названный ораторъ, „представляетъ въ своемъ личномъ составѣ большое разнообразіе возрастовъ, научныхъ заслугъ и служебнаго положенія... Въ корпораціяхъ съ подобнымъ пестрымъ составомъ обыкновенно весьма осязательно даетъ себѣ чувствовать разница между *dii majores* и *dii minores*. Въ другихъ академіяхъ, насколько намъ извѣстно, это такъ и есть.... Но наша академія въ этомъ отношеніи всегда отличалась большимъ демократизмомъ. Наша корпорація всегда какъ бы стыдилась подчеркивать эти различія—или—вѣрнѣе сказать—сводила ихъ на нравственную почву: уваженіе къ возрасту и заслугамъ вышихъ, съ одной стороны, и благодушное забвеніе этихъ прерогативъ предъ низшими—съ другой—шли навстрѣчу другъ другу...

Надо быть слишкомъ хорошо знакомымъ съ исторіей нашихъ корпоративныхъ отношеній, чтобы съ точностію опредѣлить степень Вашего участія, П. И., въ созданіи этой атмосферы.

Въ сферѣ нравственныхъ отношеній, по справедливому замѣчанію поэта — философа Шиллера, „люди платятъ тѣмъ, что они есть“. Вы своей нравственной личностію въ теченіи 31 года академической службы платили въ фондъ нашего нравственнаго настроенія...

Разставшись съ академіей, Вы имѣете полное право сказать тому младшему поколѣнію работниковъ, которое послѣ Васъ вступитъ на эту ниву: „вотъ чѣмъ была академія во время моей службы тамъ. Останется-ли она такою, когда Вы будете сходить со сцены? Смотрите, не растеряйте нравственнаго сокровища, собраннаго отнами вашими“...

Да, господа, намъ, остающимся въ академіи, надо всегда думать о томъ, чтобы она и послѣ насъ осталась такою, какою была въ періодъ службы въ ней Петра Ив-ча, т. е

осталась бы академіей А. В. Горскаго, Кудрявцева, обоихъ Голубинскихъ, Антонія и многихъ другихъ, незабвенныя имена которыхъ украшаютъ эту эпоху съ 1867 года (начало службы П. И.) и до сего дня.

Мой личный опытъ подсказываетъ мнѣ, что Ваше участіе, достоуважаемый Петръ Ив-чъ, въ созданіи нравственной академической атмосферы превышаетъ тотъ расчетъ, который можно сдѣлать только на основаніи лѣтъ Вашей службы въ Академіи. Ваша постоянная ровность и деликатность въ сношеніяхъ съ людьми, Ваше радушіе у себя дома, Ваше участливое отношеніе къ интересамъ своихъ сослуживцевъ, наконецъ, Ваша—откровенно скажу—скромность въ ношеніи своего за послѣдніе годы уже весьма почтеннаго въ корпорации званія,—все это живымъ образцомъ было у насъ предъ глазами и, привлекая къ Вамъ наши сердца, безъ словъ говорило намъ: „вотъ продуктъ и въ тоже время дѣятель старой академіи, плоть отъ плоти ея; сумѣйте быть такими, если только вы считаете старую академію достойнымъ сохраненія историческимъ типомъ“.¹⁾

Не менѣе характерна для сужденія о нравственной личности покойнаго профессора и его собственная отвѣтная рѣчь сослуживцамъ на томъ же торжествѣ прощанія съ Академіей.

„Утѣшеніемъ для меня въ настоящую грустную минуту,“ говорилъ между прочимъ П. И., „служить то, что Вы расстаются со мною, напутствуя меня словами благословенія, мира, благопожеланій и одобренія моей педагогической дѣятельности. Сердечно благодарю Васъ за такое напутствіе на остальное, конечно, не длинное поприще моей жизни. Но не скрою отъ Васъ, дорогіе мои сослуживцы, что я боюсь при этомъ впасть въ одно искушеніе—искушеніе подумать, что я въ дѣйствительности обладаю достоинствами и заслугами, какія Вы указали во мнѣ, конечно, по Вашей добротѣ и благорасположенію ко мнѣ. Въ Вашихъ словахъ относительно моихъ достоинствъ я скорѣе долженъ видѣть начертаніе того идеала, который я долженъ бы былъ осуществить въ

¹⁾ Цитир. въ извлеченіяхъ по рукописи найденной въ бумагахъ Петра Ив-ча.

своей жизни и дѣятельности, но къ которому на самомъ дѣлѣ я мало приблизился. Тѣмъ не менѣе я съ чувствомъ искренней признательности выслушалъ Ваши добрыя и благосклонныя ко мнѣ слова и сохраняю ихъ въ сердцѣ своемъ до конца жизни своей, не для того, чтобы воспоминаніемъ о нихъ питать въ себѣ горделивое чувство, а для того, чтобы Ваши слова служили мнѣ напоминаніемъ о томъ, какъ мало въ дѣйствительности я соотвѣтствовалъ тому идеалу, какой я долженъ былъ воплотить въ своей жизни. Въ дни старости, когда волей-неволей приходится подводить итоги своей жизни и когда чаще, чѣмъ когда-нибудь, является мысль о сдѣлѣ отчетъ за всю жизнь Тому, Кто далъ ее, подобное напоминаніе будетъ весьма полезно и благотельно для меня, указывая мнѣ многіе и важныя недочеты въ моей жизни.

При разлукѣ съ Академіею я утѣшаюсь еще пріятною для меня надеждою, что Вы и впослѣдствіи не совсѣмъ лишите меня общенія съ собою и не перестанете дѣлиться со мною своими мыслями и устно и посредствомъ печатныхъ трудовъ Вашихъ. Получить возможность принять участіе въ дружеской бесѣдѣ, получить новое литературное произведеніе, принадлежащее перу кого-либо изъ членовъ академической корпораціи—для человѣка, стоящаго уже въ сторонѣ отъ академической жизни, будетъ такъ же пріятно, какъ получить письмо или вѣсточку для человѣка, живущаго на чужбинѣ“⁴⁾...

Однако, просьба, которою П. И. заканчивалъ свою рѣчь къ сослуживцамъ—„не забывать его, удаляющагося съ академической службы“—вызвала немедленно „поправку“ со стороны одного изъ присутствовавшихъ: „не Вамъ слѣдовало насъ просить объ этомъ, а намъ Васъ; Вы, какъ живой носитель академическихъ традицій, нужнѣе намъ, чѣмъ мы Вамъ“...

Нравственной связи П. И-ча съ Академіею, въ которой онъ служилъ столько лѣтъ, не могли порвать даже долгіе

⁴⁾ Цитируемъ по собственной рукописи П. И., найденной въ его бумагахъ.

годы его жизни въ отставку. До конца дней своихъ онъ не переставалъ интересоваться новостями академической жизни и до самой болѣзни своей, приковавшей его къ постели, онъ оставался усерднымъ посѣтителемъ богослуженій въ домовою академической церкви.

Какъ человекъ въ высшей степени миролюбивый и деликатный, покойный, кажется, ни въ комъ и никогда не могъ вызывать къ себѣ чувствъ вражды или нерасположенія. Даже въ такихъ житейскихъ положеніяхъ, которыя чаще всего являются удобной почвой для возникновенія мелкихъ ссоръ и конфликтовъ, П. И. умѣлъ, благодаря своей выдержкѣ, избѣгать ихъ. Намъ живо помнится, какъ одинъ изъ сослуживцевъ Петра Ив-ча, долгое время квартировавшій въ его домѣ, переходя въ свой собственный, торжественно завѣрялъ, что за всѣ 17 лѣтъ близкаго сосѣдства у него не было съ домохозяиномъ ни малѣйшихъ недоразумѣній, не смотря на наличность такихъ „серьезныхъ“ поводовъ къ мелкимъ ссорамъ, какъ „общій дворъ, куры и дѣти“...

Въ не менѣе симпатичныхъ чертахъ вырисовывается образъ покойнаго и какъ отца. Это былъ типъ стараго поколѣнія отцовъ, для которыхъ многочадіе не являлось лишь неизбежнымъ зломъ, которые не смотрѣли на него какъ на обузу въ жизни, а скорѣе готовы были видѣть въ немъ „Божій даръ и Божіе благословеніе“.

За то и любилъ П. И. и берегъ своихъ дѣтей по-истинѣ какъ Божіе благословеніе! Ради дѣтей онъ готовъ былъ на всевозможныя ограниченія. Извѣстно, какъ дорого стоитъ и какихъ затратъ требуетъ современное воспитаніе и обученіе дѣтей.

А между тѣмъ лишь съ полученіемъ оклада ординарнаго профессора, т. е. съ 1892 года, матеріальное положеніе П. И. стало болѣе или менѣе удовлетворительно. Ранѣе же ему приходилось нерѣдко во многомъ отказывать самому себѣ ради благополучія дѣтей.

Если не ошибаемся, покойному такъ и не удалось осуществить своей давней мечты о замѣнѣ старенькаго и довольно поношеннаго виць-мундира, служившаго ему чуть ли не съ

самыхъ первыхъ дней его духовно-учебной службы, новымъ. Такъ мы думаемъ на томъ основаніи, что слышали, какъ покойный П. И., получивши званіе заслуженнаго профессора, и этотъ фракъ свой нерѣдко величалъ тоже „заслуженнымъ“.

Когда же дѣти Петра Ив-ча начали подростать и разлетаться изъ родного гнѣзда по всѣмъ концамъ обширной Руси, чадолюбивый отецъ ихъ, забывъ свои года и презрѣвъ разстоянія, ѣдетъ къ нимъ на всѣ выдающіяся событія ихъ жизни, а иногда и просто съ цѣлю повидаться съ ними.

Въ свою очередь и дѣти платили ему горячей привязанностію. Тѣсною семьей собрались они съ разныхъ сторонъ около постели умирающаго, чтобы принять его послѣдній вздохъ и отдать послѣдній долгъ своей любви къ нему.

Литературная дѣятельность проф. П. И. Казанскаго была довольно разнообразна, какъ различны были и тѣ каѳедры, какія онъ занималъ во время своей академической службы.

Его первые печатные труды, по-видимому, ближайшимъ образомъ примыкаютъ къ его курсовой работѣ. Таковы напр. его статьи: „Состояніе іудейскаго царства при Езекии, Манассин, Аммонѣ и Іосии“,—очеркъ составленный на основаніи пророческихъ писаній Наума, Аввакума и Софоніи (напеч. въ Чт. Общ. Люб. Духов. Просв. 1875 г., кн. 2), или „Состояніе іудеевъ послѣ плѣна Вавилонскаго“ (тамъ же 1876 г., кн. 5).

Есть нѣсколько большихъ журнальныхъ статей, которыя являются отголоскомъ его недолговременнаго пребыванія на каѳедрѣ педагогики. Таковы: „О значеніи впечатлѣній ранняго дѣтства въ дѣлѣ воспитанія дѣтей“ (Душепол. Чт. 1869 г., II-я, кн. 5, 3—23 и 1870 г. кн. 2, 57, 7, 1871 г. кн. 1—4; отд. М. 1879 г.) или еще: „Можно-ли признать высшимъ принципомъ воспитанія правило: воспитывай чело-вѣка сообразно съ его природой“ (Приб. къ Твор. Свв. Отцевъ 1883 г. XXXII и отд. стр. 49).

Но особенно много пришлось потрудиться П. Ив-чу въ

области нравственно-назидательнаго экзегесиса. Къ этому отчасти его располагало и постоянное участіе въ журналѣ Душеполезное Чтеніе, покойный основатель котораго и вмѣстѣ съ тѣмъ первый редакторъ его прот. В. П. Нечаевъ (впослѣдствіи епископъ Костромской Виссаріонъ) весьма высоко цѣнили сотрудничество проф. П. И. Казанскаго.

Въ этомъ именно журналѣ помѣщена была большая часть толкованій П. Ив-ча на псалмы ¹⁾.

Не чуждъ былъ П. И. въ своихъ литературныхъ работахъ и „откликовъ на современность“.

Объ одномъ изъ такихъ откликовъ по поводу нападокъ на духовенство и на духовную школу въ началѣ восьмидесятихъ годовъ мы уже упоминали выше.

Еще болѣе типична въ этомъ смыслѣ статья покойнаго „По поводу забастовокъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ“ (Душепол. Чт. 1905 г. и отд. М. 1905 г., стр. 37).

Когда въ памятномъ 1905 году почти всѣ наши высшія учебныя заведенія охватило забастовочное движеніе, П. И. много скорбѣлъ душой и какъ бывший профессоръ высшей духовной школы, и какъ отецъ. Результатомъ его тяжелаго раздумья и скорбныхъ переживаній, связанныхъ съ этимъ явленіемъ, и было появленіе названной статьи.

Какъ бы кто ни смотрѣлъ на основную позицію, занятую покойнымъ въ этомъ вопросѣ, искренность его взглядовъ и чистота его побужденій, какія руководили имъ при составленіи этой статьи, не могутъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію.

Въ самые послѣдніе годы П. И. сдѣлалъ опытъ (и, повидимому, удачный) перевода на русскій языкъ изъ нѣмецкой апологетической литературы. Разумѣемъ переведенную имъ съ нѣмецкаго и послѣ напечатанія въ Душеп. Чт. выпущенную

¹⁾ Сюда относятся его „Изясненіе шестопсалмія“ (вышедшее отд. книгой и выдержавшее два изданія); „Изясненіе псалма „Благослови, Душа моя, Господа!“; „Хвала Господу всевѣдущему, вседѣющему и премудрому (изясненіе псалма 138)“; Изясненіе псалма „Благословлю Господа на всякое время“ (Радость Христіанина 1901 г. т. II, кн. VIII и IX 104—132), и др.

отдѣльнымъ изданіемъ брошюру Гильбертъ „Христіанство и Наука“.

Наконецъ, нельзя умолчать и о томъ, что въ колоссальномъ трудѣ, который издавна несла и несетъ Московская академія по переводу на рус. яз. святоотеческихъ твореній, немалая доля участія принадлежитъ и покойному Петру Ив-чу, (по переводу твореній св. Кирилла Александрійскаго).

Литературныхъ занятій своихъ П. И. не покидалъ, можно сказать, до конца дней своихъ ¹⁾, какъ до послѣдняго же времени не переставалъ и вообще интересоваться разными новинками книжнаго рынка.

Онъ внимательно прочитывалъ большую часть текущихъ журналовъ, получаемыхъ академической корпораціей, по своему обыкновенію дѣлая на нихъ разнаго рода карандашныя замѣчанія.

Одинъ почтенный профессоръ академіи, очень занятый работой надъ вопросами своей специальности и потому нерасполагающій достаточнымъ досугомъ для ознакомленія съ текущей журнальной литературой, говорилъ однажды автору этихъ строкъ, что онъ считаетъ для себя совершенно достаточнымъ прочитывать или просматривать лишь тѣ статьи въ журналахъ и даже тѣ мѣста отдѣльныхъ статей журнальныхъ, которыя почему-либо обратили на себя вниманіе Петра Ив-ча Казанскаго и имѣютъ на себѣ его замѣтки,—въ полной увѣренности, что такимъ образомъ онъ совершенно застрахованъ отъ пропуска чего-нибудь крупнаго или интереснаго въ повременной печати.

Даже и тогда, когда дрожащая отъ слабости рука покойнаго не могла не только дѣлать карандашныхъ помѣтокъ на книгахъ, но и держать самой книги, онъ нерѣдко обращается съ просьбой къ кому-либо изъ своихъ семейныхъ—

¹⁾ Перу проф. П. И. Казанскаго, кромѣ вышеуказанныхъ, принадлежатъ еще нѣсколько статей болѣе или менѣе случайныхъ, какъ-то: „Отзывъ о хрестоматіи по рус. яз.“ Дьяченко (Правосл. Обзор). Проф. А. Л. Петр. Смирновъ (приб. къ Твор. Св. Оо. 1889 г.); Памяти Е. В. Амфитеатрова (тамъ же 1888 г.); Обзорѣніе статей богослов. и историч. содержанія, помѣщенныхъ въ Епарх. Вѣд. за 1891 г. (Богосл. Вѣсти. 1892 г.); Отзывъ о книгѣ Виндельбанда „Исторія древней философіи“ перев. подъ ред. проф. А. И. Введенскаго“ (Богосл. Вѣсти, 1894 г. I) и др.

прочитать ему ту или другую статью из новенькой книжки журнала.

Быть может, этому никогда не прекращавшемуся общению съ современной литературой и ея различными теченіями П. И. и обязанъ былъ сохраненіемъ до конца дней своихъ довольно рѣдкой въ старыхъ людяхъ способности къ разумной эволюціи своихъ взглядовъ. Предъ неотразимой логикой фактовъ, предъ лицомъ новыхъ вѣяній и свѣжихъ вліяній покойный Петръ Ив-чъ не оставался заскоружлымъ рутинеромъ и только восторженнымъ пѣвцомъ своей излюбленной старины...

При разнообразныхъ своихъ профессорскихъ занятіяхъ, при многосложныхъ заботахъ домашнихъ и семейныхъ, Петръ Ив-чъ находилъ возможнымъ удѣлять часть своего досуга и дѣятельности общественной.

Его ровный и спокойный характеръ, его уваженіе къ чужому мнѣнію, отъ кого-бы оно ни исходило, дѣлали его желаннымъ членомъ всякаго рода собраній или учреждений.

Какъ домовладѣлецъ Сергіевскаго Посада (съ 1872 года), П. И. съ очень давняго времени (приблизительно съ 1874 или 75 года) является однимъ изъ видныхъ дѣятелей городского общественнаго управленія.

Состоя почти безсмѣннымъ гласнымъ Городской думы, покойный не разъ выступалъ въ ней съ разнаго рода мотивированными предложеніями по вопросамъ правового, налогового и финансоваго свойства.

Ему же нерѣдко поручалось составленіе и особенно важныхъ докладовъ для представленія въ высшія инстанціи.

Какъ уполномоченный думы, П. И. постоянно былъ командировемъ ею въ качествѣ представителя отъ города для участія въ педагогическихъ или попечительныхъ совѣтахъ мѣстныхъ—мужской (въ 1910—11 г.) и женской (съ 1904 по 1910 г.) гимназій, а также и городскихъ училищъ.

Всѣ обязанности, связанныя съ этими званіями, онъ исполнялъ въ высшей степени честно и аккуратно, всюду являясь поборникомъ правды и безпристрастія, какъ настоящій представитель общественнаго мнѣнія и общественной совѣсти.

И городское управленіе не забыло трудовъ П. П-ча: въ полномъ составѣ своихъ уполномоченныхъ оно явилось къ гробу почившаго и отслужило у него панихиду.

Но особеннымъ вниманіемъ покойнаго пользовалось т. н. Сергіево-посадское Общество взаимнаго страхованія, быть можетъ потому, что онъ, въ союзѣ съ нѣсколькими гражданами города, былъ его первоначальнымъ устройтелемъ, а потомъ до самой смерти своей—безсмѣннымъ предсѣдателемъ.

Въ 1902 году въ Москвѣ происходили засѣданія Всероссийскаго противопожарнаго съѣзда.

Петръ Пв. командированъ былъ на этотъ съѣздъ и въ качествѣ представителя отъ Сергіево-посадскаго общества взаимнаго страхованія выступалъ здѣсь съ докладомъ, послужившимъ основой для цѣлаго ряда резолюцій и пожеланій съѣзда.

Вотъ какъ описываетъ онъ въ своемъ докладѣ первоначальное возникновеніе и первые шаги этого своего дѣтища.

„Посадское общество взаимнаго страхованія учреждено въ 1877 году и въ томъ же году начало свою дѣятельность при слѣдующихъ условіяхъ. Въ кассѣ общества не было ни копѣйки; на первоначальные канцелярскіе расходы оно заняло въ городскомъ банкѣ 200 рублей, а между тѣмъ въ первый же годъ своего существованія оно приняло на свой страхъ недвижимыхъ имуществъ на сумму 320,550 рублей.

Нѣтъ нужды говорить, что, принимая на свою отвѣтственность такую сумму страховыхъ рисковъ, посадское общество взаимнаго страхованія находилось въ чрезвычайно опасномъ положеніи тѣмъ болѣе, что мѣстныя противопожарныя средства въ то время были крайне недостаточны...

Эти обстоятельства сильно увеличивали опасность положенія новаго общества и возбуждали въ душѣ его учредителей *мучительный* страхъ за прочность его существованія ¹⁾.

Это чувство мучительнаго страха за прочность существованія общества такъ на всю жизнь и осталась основнымъ

¹⁾ Труды Всероссийскаго Пожар. Съѣзда 1902 г. въ Москвѣ, т. 2-й, секція IV, стр. 104—109.

мотивомъ отношеній покойнаго къ возглавляемой имъ организаціи.

Черезъ десятки лѣтъ послѣ ея основанія, когда общество, какъ это можно усматривать изъ того же доклада, приняло на свой страхъ недвижимыхъ имуществъ почти на 18 милліоновъ рублей, когда оно само располагало основнымъ капиталомъ болѣе чѣмъ въ 300 тысячъ рублей, покойный предсѣдатель общества „мучительно“ страдалъ за него при всякомъ новомъ пожарномъ несчастіи, случавшемся въ Посадѣ.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерна слѣдующая подробность.

Наканунѣ своей смерти П. И. весь день почти находился въ какомъ-то забытіи: никого не узнавалъ и ничего не говорилъ. Но вотъ, до его слуха долетѣли мощные звуки благовѣста ко всеношной (подъ Крещеніе). Больной открылъ глаза, казалось, насторожилъ свое вниманіе и затѣмъ едва слышнымъ голосомъ спросилъ: „звонять?“...

Онъ успокоился и вернулся къ своему прежнему состоянію тотчасъ же, какъ только ему сказали, что это звонъ ко всеношной...

Семейные Петра Ивановича толкуютъ это въ томъ смыслѣ, что звуки благовѣста, пробудившіе его сознаніе, были приняты имъ за звонъ набатный.—Если это такъ, то, значить, до самаго своего послѣдняго издыханія покойный не потерялъ выработанной годами способности „мучительно“ откликаться на каждую пожарную тревогу.

Сотрудники Петра Ив-ча по управленію дѣлами общества возложили на гробъ его предсѣдателя металлическій вѣнокъ.

Хотя Петръ Ивановичъ Казанскій давно уже отошелъ отъ Академіи и около 15 послѣднихъ лѣтъ своей жизни былъ только лишь ея почетнымъ членомъ, все же родная ему академія съ живѣйшимъ участіемъ и сочувствіемъ отозвалась на извѣстіе о его кончинѣ.

Первую панихиду отъ Академіи у гроба почившаго совершалъ самъ преосвященный ректоръ ея Епископъ Θεодоръ, не бывший ни ученикомъ, ни сослуживцемъ покойнаго П. И.,

въ сослуженіи о. инспектора архимандрита Анатолія, лишь недавно переведеннаго на службу въ Московскую академію и потому совсѣмъ не знавшаго и не видавшаго П. И., и прочаго академическаго духовенства, среди котораго развѣ очень немногіе помнятъ покойнаго какъ профессора. Тѣмъ трогательнѣе для осиротѣвшей семьи покойнаго было молитвенное участіе всѣхъ этихъ лицъ въ отдачіи послѣдняго долга умершему профессору.

Не менѣе отзывчивы оказались на извѣстіе о смерти почтеннаго старца и другія учебныя заведенія Посада.

У гроба почившаго отслужена была паннихида о. ректоромъ Спасо-Виеанской духовной семинаріи архимандритомъ Германомъ при участіи прочаго семинарскаго духовенства и въ присутствіи преподавателей семинаріи—учениковъ покойнаго по академіи.

Мужская гимназія въ полномъ составѣ своей корпораціи и учениковъ присутствовала на паннихидѣ, отслуженной по покойномъ членѣ педагогическаго совѣта ея въ домовоіи гимназической церкви. Отдѣльные представители гимназической корпораціи съ г. директоромъ Д. В. Дубовымъ во главѣ присутствовали кромѣ того и на паннихидахъ у гроба покойнаго.

Законоучителемъ женской Гимназіи о. Н. Соколовымъ отслужена была паннихида по порученію и отъ лица попечительнаго совѣта гимназіи, членомъ котораго П. И. состоялъ съ самаго основанія гимназіи и по день своей смерти. На паннихидѣ присутствовали весь составъ Совѣта.

Даже приходское духовенство почти всѣхъ градскихъ церквей Сергіевскаго Посада, а также и находящагося въ посадѣ Дома Призрѣнія, не имѣвшихъ П. И. ни своимъ прихожаниномъ, ни даже частнымъ богомольцемъ, лишь по чувству глубокаго уваженія къ почившему, служило паннихиды у его гроба.

Очередныя—утреннія и вечернія—академическія паннихиды, установленныя по распоряженію преосвященнаго ректора академіи и совершавшіяся кѣмъ-нибудь изъ академическаго духовенства, усердно посѣщались членами академической корпораціи, возложившей на гробъ покойнаго пре-

красный металлическій вѣнокъ. Нѣкоторые члены академической корпораціи и не только изъ числа наиболѣе почтенныхъ, бывшихъ долгое время сослуживцами Петра Ив-ча, но также и изъ молодыхъ, чувствовавшихъ особенную пріязнь къ нему, бывали въ домѣ почившаго на панникахъ ежедневно и даже по нѣскольку разъ.

Выносъ покойнаго изъ дома въ академическую церковь для отпѣванія совершенъ былъ 9-го января о. Инспекторомъ академіи при участіи нарочито для того прибывшихъ изъ Москвы—родственника почившаго прот. А. А. Бѣляева, бывшаго ректора Виѣанской дух. Семинаріи, и сына Петра Ив-ча—законоучителя 3-го Кадетскаго Корпуса въ Москвѣ свящ. Н. П. Казанскаго, приходскаго духовенства и нѣкоторыхъ лицъ духовенства академическаго, при пѣніи хора студентовъ академіи.

Заупокойное богослуженіе и отпѣваніе совершены были самимъ преосвященнымъ ректоромъ академіи въ сослуженіи тѣхъ же лицъ и нѣкоторыхъ профессоровъ академіи, носящихъ духовный санъ.

Академическій храмъ былъ полонъ молящихся.

Присутствовали не только семья и родственники почившаго, не только почти вся академическая корпорація и многія семьи профессоровъ, но также и представители другихъ учрежденій—Городской Думы, обѣихъ гимназій, Виѣанской Семинаріи, Сергіево-посадскаго общества взаимнаго страхованія, вольной пожарной дружины и просто многочисленные обыватели Сергіевскаго Посада, среди которыхъ покойный Петръ Ив-чъ за 46 лѣтъ своей жизни въ Посадѣ приобрѣлъ достаточно широкую извѣстность.

Не смотря на сильный морозъ, доходившій въ этотъ день до 20 градусовъ, не смотря на отдаленность отъ академическаго храма Всѣхсвятскаго Кокуевскаго кладбища—проводить прахъ почившаго Петра Ив-ча до мѣста его послѣдняго упокоенія отправились не только многіе изъ его сослуживцевъ, но и просто—добрыхъ знакомыхъ.

Нѣкоторые изъ его учениковъ, друзей и почитателей выразили свое сочувствіе семьѣ почившаго письменно.

М. Изюмовъ.